

Ор. 83
П-80

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А. И. ГЕРЦЕНА

ОРЕНБУРГСКИЙ ОРДЕНА «ПОЧЕТА» ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ В. П. ЧКАЛОВА

ОРЕНБУРГСКИЙ КРАЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Учебное пособие по литературному краеведению

II часть.

Оренбург, 1993 г.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А. И. ГЕРЦЕНА

ОРЕНБУРГСКИЙ ОРДЕНА «ПОЧЕТА» ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ В. П. ЧКАЛОВА

ОРЕНБУРГСКИЙ КРАЙ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Учебное пособие по литературному краеведению

II часть.

Оренбург, 1993 г.

Оренбургская областная научная
библиотека им. Н. К. Крупской

А. Н. ПЛЕЩЕЕВ

(1825—1893)

А. Н. Плещеев—один из виднейших представителей русской демократической поэзии второй половины XIX., переводчик, прозаик, драматург. За участие в кружке М. В. Петрашевского, за распространение письма Белинского к Гоголю Плещеев был приговорен к четырем годам каторги, тем не менее 22 декабря 1849 года он был выведен вместе с товарищами по кружку на эшафот, где стоял рядом с Ф. М. Достоевским и С. Ф. Дуровым. В окончательном приговоре каторга была заменена ссылкой рядовым в Оренбургский край. 6 января 1850 года поэт прибыл в Уральск, где его зачислили в 1-й Оренбургский линейный батальон. 25 марта 1852 года Плещеев был переведен в Оренбург в 3-й линейный батальон. Тяжелую солдатскую службу сам поэт называл «годами нравственных страданий».

В марте 1853 года Плещеев, переведенный по его собственной просьбе в 4-й линейный батальон, участвовал в военной экспедиции, предпринятой Оренбургским губернатором В. А. Перовским для взятия Кокандской крепости Ак-Мечет (ныне Кызыл-Орда). За участие в походе Плещеев был произведен в унтер-офицеры, а в 1856 году—в прапорщики, что позволило ему перейти на гражданскую службу в Оренбургскую пограничную комиссию, где он прослужил до сентября 1858 года.

Получив разрешение на выезд в обе столицы, Плещеев вместе с женой Е. А. Рудневой, дочерью надзирателя соляного рудника в Илецкой Защите, весной 1858 года ездил на несколько месяцев в Петербург.

В 1859 году Плещеев служил в канцелярии Оренбургского гражданского губернатора, жил некоторое время в Илецкой Защите (ныне Соль-Илецк) в семье Рудневых, пока не выхлопотал разрешения жить в Москве.

В Оренбургском крае поэт встретился с сосланными туда петрашевцами А. В. Ханьковым, А. И. Макшеевым, познакомился и сблизился с отбывавшими там ссылку революционерами С. Сераковским, Бр. Залеским, Я. Станевичем, А. Совой—Э. Желиговским, Т. Шевченко (ряд произведений

ВОСПОМИНАНИЯ О А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВЕ

Александр Михайлович Жемчужников происходит от старинной дворянской фамилии. По окончании курса в С-Петербургском университете А. М. поступил в канцелярию Оренбургского и Самарского генерал-губернатора, а потом перешел в Мин. Внут. Дел и был назначен вице-губернатором в Пензенскую губернию. Литературные произведения его помещаются в записках «Кузьмы Пруtkова» в особом приложении к журналу «Дело».

Во время своей жизни в Оренбурге А. М. слыл за остроумного сорванца и его едкая сатира всюду нещадно преследовала вздутое самолюбие, напыщенность и мелкое честолюбие.

Воспоминание об этом даровитом писателе связано у каждого, знавшего А. М., с целым рядом анекдотов, черт, которые мы и считаем не лишним привести здесь.

В бытность графа В. А. Перовского Оренбургским и Самарским генерал-губернатором, канцелярию его составляли отлично воспитанные и вполне интеллигентные молодые люди, иногда манкировавшие служебными обязанностями. Вследствие этого граф сделал распоряжение, чтобы все дела, которые поручались этим лицам, докладывались графу лично ими. В числе их был и А. М. Жемчужников. Заметив, что А. М. ни разу не являлся с докладом, граф потребовал его к себе и спросил о причине этого. «Нечем писать, Ваше Сиятельство», — отвечал А. М....—«Что за вздор ты говоришь!» «Перьев нет, г-жа Г-ая скупила все на свои шляпы.¹⁾

В Оренбурге служил генерал Ш-ов, человек очень ограниченный, из кавалеристов, и известен был в городе тем, что близко к нему нельзя было подходить, потому что изо рта его выходил убийственно дурной запах. — Однажды, в праздник Св. Троицы, А. М. Жемчужников в белом галстукe, фракe и цилиндре, на третий день, т. е. в Духов день, отправился к генералу Ш-ву и поздравил его с днем Ангела.

В канцелярии генерал-губернатора графа В. А. Перовского служил библиотекарем молодой человек, только что

¹⁾ Г-жа Г-ая имела привычку носить целые перины на своих шляпах.

окончивший курс в Казанском университете. г. Г-н, фат, кичившийся своим происхождением отец его был директором гимназии и происходил не от Рюриковичей, потомки которых, как известно, не носили ни птичьих, ни рыбьих фамилий. Одновременно с г. Г. жил в Оренбурге его однофамилец, содержавший почтовых лошадей. А. М. Жемчужников постоянно преследовал г. Г. своими шутками и остротами, и когда ему случалось поздно ночью проезжать мимо квартиры г. Г., он останавливался и посылал своего кучера звонить в колокольчик и стучать в дверь, пока не показывалась прислуга. Затем следовал вопрос: «кто здесь живет?».

— Г-н, — отвечал слуга.—Скажи ему, чтобы он приготовил к утру тройку хороших почтовых лошадей.

Во время пребывания своего в Оренбурге, А. М. Жемчужников постоянно нуждался в деньгах, несмотря на то, что получал их от отца и дяди графа Перовского. Нередко случалось, что у него и его сожителя князя Сергея Трубецкого, сосланного в Оренбург рядовым за увоз жены петербургского сахарозаводчика Жадимировского, по нескольку дней не было ни дров, ни свечей, ни денег. В один из таких дней А. М. отправился к кузену своему, графу И. А. Толстому. Не застав его дома, он, как человек свой, вошел в квартиру графа, вынул из канделябр и подсвечников все свечи, уложил их в карман и уехал домой. Вечером в тот же день, ярко осветив свою квартиру, задрапировав и затянув прозрачной кисеей окна, устроил в окнах туманные картины из себя и князя Трубецкого, показываясь то в одном, то в другом окне, сначала в фантастических костюмах, а потом и без них. Это дошло до графа Перовского, и утром А. М. получил внушительную головомойку.

Вскоре после окончания курса в Петербургском университете А. М. Жемчужников, идя по Невскому, встретился с одним из известных актеров немецкого театра, который спросил его, почему он не бывает в их театре?—«Я плохо знаю немецкий язык», отвечает А. М.—«Вы шутите, приходите сегодня». — «Хорошо, приду». Вечером А. М. отправляется в немецкий театр, садится в первый ряд и в то время, как пригласивший его актер говорит какой-то трагический монолог, А. М. встает и, обращаясь к актеру, говорит: *Varten sie etvas* и с этим вместе вынимает из кармана лексикон,

А. Совы и Т. Шевченко Плещеев перевел на русский язык). А. Н. Плещеев был дружен с оренбургским вице-губернатором, а затем гражданским губернатором Е. И. Барановским, занимавшим либеральную позицию в период подготовки крестьянской реформы, пользовавшимся доверием сосланных в Оренбург поляков и Т. Шевченко, подарившего Барановскому свой автопортрет (известны письма Плещеева к Барановскому); с оренбургским литератором, сотрудником «Искры» С. Н. Федоровым, которому поэт посвятил десять переводов из Гейне, повесть «Две карьеры» и рассказ «Неудавшаяся афера»; с семьей полковника В. Д. Дандевиля—человека образованного и оппозиционно настроенного (жене Дандевиля, Любови Захарьевне, сочувственно относившейся к тяжелому положению ссыльного поэта, посвящены стихотворения «При посылке Рафаэлевой мадонны», «Перед отъездом», «Листок из дневника»).

В Оренбурге поэт сблизился с приехавшим по поручению морского министерства в литературную экспедицию поэтом-демократом М. Л. Михайловым (ему посвящен перевод стихотворения В. Сырокомли «Птичка»), со служившим у дяди (В. А. Перовского) поэтом Александром Жемчужниковым.

О литературной деятельности Плещеева периода оренбургской ссылки известно немного. За время ссылки поэт создал более сорока оригинальных стихотворений и более двадцати переводов; большинство из них было написано в 1856—1859 гг.

Свое молчание в первые годы ссылки Плещеев объяснил словами Гейне, взятыми эпиграфом к сборнику стихотворений 1858 г.: «Я не в силах был петь». Подчеркивая, что он не изменил своим прежним взглядам, поэт назвал стихотворения 50-х годов «старыми песнями на новый лад». В стихотворениях А. Н. Плещеева этих лет основными остаются размышления о будущем, о возможности продолжить борьбу за свободу, о судьбе поэта-революционера, появляются сатирические тенденции. Хороший материал для сатирических произведений давали Плещееву его наблюдения над жизнью оренбургского общества, типичного для русской провинции. Жизнь провинциального города, нравы российских «ухабинских» губерний изобразил Плещеев в «оренбургских» повес-

тях «Житейские сцены. Отец и дочь» и «Пашинцев». Обе повести написаны в Оренбурге. Повесть «Пашинцев», положительно оцененную Н. А. Добролюбовым, Плещеев считал лучшей своей прозаической вещью. За эту повесть Плещеев по его собственному замечанию в письме к Н. А. Добролюбову, был «предан анафеме в Оренбурге». Известен фельетон С. Н. Федорова в «Искре» о негодовании обывателей Оренбурга—Ухабинска, вызванном этой повестью.

ИЗ ПИСЕМ А. Н. ПЛЕЩЕЕВА

В. Д. Дандевилю

Оренбург, 22 декабря 1855

...Я знаю положительно, что меня из общего списка представлений выключили, но, что Василий Алексеевич (гр. Перовский) приказал написать обо мне отдельный доклад взяв в то же время с собой все бумаги, относящиеся к моему делу...

Но вот — пришли награды.... мне все ничего нет. Это заставляет меня думать, что Василию Алексеевичу отказано государем. Забывать В. А. не имеет привычки ни о ком.

Прозясь в поход, я имел в виду получить за него унтер-офицерство, если только бог вынесет невредимым, и потом на следующий год снова идти в степь. Если не будет экспедиции,—думал я,—может быть, какие-нибудь стычки будут и все-таки есть больше шансов отличиться, чем выказывая в Оренбурге гибкость и грацию своего носка.

В. Д. Дандевилю в Петербург **Оренбург, 18 января 1856**

...Досадно мне только то, что вы собираетесь сюда не раньше весны. Так скучно и грустно эту зиму в Оренбурге что вы не поверите. Нет теплого уголка, где бы голову приклонить, где бы провести вечер в откровенном, задушевном разговоре...

От Ивана Васильевича Павлова получил огромное письмо из Орла, доставившее мне много удовольствия, ...все письмо написано чрезвычайно юмористически и зло. На это он мастер—как Вы знаете...Жалеет об Оренбурге, то есть собственно не о нем, а о кружке близких и добрых знакомых. Орловское же общество—судя по его словам—черт знает что такое...

Каких Вы накупили книг, добрейший мой? Но впрочем мне их, я думаю, читать не суждено.—Весной отправляю

снова в степь. — Боюсь, чтобы Василий Алексеевич не приказал совсем перевести меня в 3-й батальон. Я лучше желаю быть прикомандированным, как теперь, чтоб при случае возвратиться в свой батальон... Здесь был перед праздником Авдеев, писатель, с которым я познакомился. Умный человек и без претензий. Не знаю, читали ли Вы его «Горы» и «Нынешнюю любовь». Недавно его повести изданы отдельно.

В. Д. Дандевилю в Оренбург Ак-Мечеть, 9 ноября 1854

...Я не скажу, чтоб я чувствовал большую симпатию к богоспасаемому граду, в котором Вы живете, но все-таки меня очень интересует все совершающееся в нем. Может быть, это по тому известному закону, что в воспоминании все дурное бледнеет, сглаживается и только одно хорошее выступает из-за тумана прошлого или, говоря словами Пушкина: «что пройдет — то будет мило». Я уверен, что если бы Оренбург был обречен подобно библейскому городу провалиться за грехи свои, то господь пощадил бы его для нескольких праведников, которые там найдутся. А уж где есть хоть один праведник, о том месте всегда отрадно вспомнить...

В. Д. Дандевилю.

Форт Перовский.

27 декабря 1854.

...Что у Вас новенького?... Как Вы встретили праздники... Что оренбургское «общество»: не прибавилось ли, не убавилось ли? Не поумнел ли Кузьминский с Новым годом? Не поглупел ли Умнеющий?... Не поверите, как скучно порой бывает, и как мало надежды на лучшие дни.—Что я говорю—мало—вовсе нет ее. И бог весть что лучше—пуля—или целые годы нравственных страданий?

В. Д. Дандевилю.

10 января 1855.

Ваши письма для меня были истинным утешением. Очень хочется порой узнать, что творится на белом свете, и даже на сером—оренбургском, где есть такие культурные личности и есть хорошие люди.

В. Д. Дандевиллю.

1 марта 1855.

С нынешней почтой узнал я через Сливинского, что я не представлен и что граф сделал отметку такого рода против моего имени: его еще рано представлять.

В. Д. Дандевиллю.

20 апреля 1855.

С этой почтой бирон представляет конфирмованных. В числе представленных и я с Сераковским.

В. Д. Дандевиллю

22 июня 1855

Начинает мне противеть эта степная жизнь.

Мы ходили в поход. Цель похода была благородная — защита угнетенных, а ничто так не воодушевляет, как благородная цель. ...Конфирмованные тоже опять участвовали все. Сераковский, Леоткевич, я,—из известных Вам,—и еще человек до 10...

7 августа, 1856, Оренбург.

Вероятно, Вы думаете, что я чересчур уже завеселился в Оренбурге и потому не пишу к Вам. Если так—то Вы крепко ошибаетесь, мой дорогой. Я хотел тотчас же отвечать Вам—но меня угнали в караул, и теперь я только что сменился и боюсь опоздать на почту. В Оренбурге мне скучно и грустно до чрезвычайности.... Ни одного теплого человека—ни одного искреннего слова участия. С каждым днем становится мне этот город противнее своей официальной, своим подобострастно-служебным характером.—Нет в нем тех — к кому, бывало, я шел с каждым горем своим, с каждой радостью, в надежде, что они будут разделены. Нет Вас, нет Эккельна, нет Павлова. — Отовсюду веет холодом; все как будто боится сблизиться—пока не узнали, пользуюсь ли в расположении нашего владыки или не пользуюсь.—Ну да бог с ними. Искать в них—не в моем духе.—Один дом, где мне лучше еще, это Симоновы.

...Не знаю, куда деваться от тоски. На службу меня запрягли. Через каждые три дня в караул посылают, а послуживших этих караулов—я совсем больной. Меня ломит и корчит всего. Нет! Плохой я служака. Грустно, право, когда подумаешь, что на другом поприще мог бы быть человек хот

сколько-нибудь полезен, а тут и силы и время тратишь напрасно. Но кланяться и просить здешнюю знать—начиная от г. Рейтерна—я положительно не намерен. Пусть выбьюсь из сил—но ропота моего они не услышат — даже и тогда, когда совсем разрушится мой не крепко-сплоченный—хилый организм...

М. Л. Михайлову

28 декабря 1856, Оренбург.

Ждал, ждал я Вашего возвращения и дожидаться соскучился, дорогой Михаил Ларионович. Или Вас это проклятое багренье задерживает, или что-нибудь привлекательное нашли Вы в Уральске, в последнем однако же прямо сомневаюсь. Приезжайте скорее. Скука нестерпимая.—Обещались писать из Илецкой и не написали. Господь Вас знает, что с Вами делается.

Посылаю Вам еще один разговор Федорова, по-моему,—весьма, весьма не дурной. Если Вы еще не послали тот, так оба вместе отправьте. Да похлопочите, чтоб ему денег выслали.. В большом он теперь горе, бедный. Отец у него умер. Славный старик—которого он ужасно любил.—Двенадцать человек детей осталось,—а состоянье небольшое.

Я послал в «Русский Вестник» 7 пьес, с польского. Одну Вам посвятил.

Н. А. Добролюбову.

Москва, 25 февраля 1860.

Очень жаль мне, что в «Современнике» за этот месяц не будет разбора моих книжонок. Из всех журнальных отзывов я только Вашим и дорожу. Остальные для меня важны единственно с точки зрения сбыта. Как бы строг ни был Ваш суд—я всегда готов сказать Вам за него спасибо.

Я бы желал, Николай Александрович, если это будет Вам не в тягость,—чтобы Вы прочли также и повесть, напечатанную в «Русском Вестнике» (Пашинцев), за которую я предан анафеме в Оренбурге, — и Вы сказали бы о ней свое мнение. Все мои повести вообще—вещи не важные—сознаю вполне, но мне кажется, что Пашинцев все-таки несколько удачнее вышел, чем все остальные...

Е. И. Барановскому.

Москва, 19 февраля 1860.

Ваше мнение об Оголине и подобных ему очень справед-

ливо! Да! Из этих размашистых натур ровно ничего не выходит порядочного.. Он и бил своих людей, как я слышал еще в Оренбурге. Это наши либералы! А уж ругают же меня... Звенигородская говорит, что от колодника, от ссыльного и ожидать ничего больше нельзя! Оголин утверждает, что моя женитьба есть бесчестный поступок, потому что я женился не по любви, а из-за денег, хотя ему очень хорошо известно, что я не взял за женой ничего—ни даже Андреевки....

Е. И. Барановскому.

Москва, 30 марта 1860.

Вы уже давно не выезжали из Оренбургского края. Что там нового? Катенин, говорят, был дурно принят в Петербурге, и ничего не получил и никаких наград не привез. Достолюбезная оренбургская публика обманулась в ожиданиях. «В «Колоколе» описаны дела по заводам Пашкова и Сухозанета и дело Жадовского. Любопытно прочесть—в каком виде все это изложено. Знаю еще, что на меня Оренбург комедию написал, поправленную Григорьевым, который едва ли ее не повез в Петербург. Сюжет рассказывают двоим... Один из авторов комедии—Северцев...

ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ

(Л. З. Д(андевиль)—при посылке моих стихов)

Опять весна! Опять далекий путь!
В душе моей тревожное сомненье;
Невольный страх мою сжимает грудь:
Засветится ль заря освобожденья?
Велит ли бог от горя отдохнуть,
Иль роковой, губительный свинец
Положит всем стремлениям конец?

Грядущее ответа не дает...

И я иду, покорный воле рока,
Куда меня звезда моя ведет...
В пустынный край, под небеса Востока!

И лишь молю, чтоб памятен я был
Немногим тем, кого я здесь любил...
О, верьте мне, вы первая из них!

Я забывал при вас тоску изгнанья,
Вам и теперь мой безыскусный стих,
Как сердца дань, я шлю на расставанье.
Пусть иногда в раздумья тихий час
Он обо мне заставит вспомнить вас.

И может быть, вы дружеский привет
Пошлете мне, исполнены участья,
Чтоб, лаской той утешен и согрет,
Мой дух не мог утратить веры в счастье...
Так на чужбине пленнику порой
Отраднa песнь страны его родной!

Весна 1853.

В СТЕПИ

Так скоро, может быть, покинуть должен я,
О степь, унылая, простор твой необъятный;
Но вместо радости зачем душа моя
Полна какою-то тоскою непонятной?

Жалею ль я чего? Или в краю ином
Грядущее сулит мне мало утешенья?
И побреду я вновь знакомым мне путем,
Путем забот, печалей и лишенья.

Как часто у судьбы я допросить хотел,
Какую пристань мне она готовит...
Зачем неравный бой достался мне в удел,
Зачем она моим надеждам прекословит?

Ответа не было. Напрасно я искал,
Куда б усталую приникнуть головою...
Не видно пристани... И счастья идеал
Уж я давно зову ребяческой мечтою!..

Но пусть без радостей мои проходят дни...
Когда б осталось мне отрадное сознание,
Что к благу ближнего направлены они,
Я б заглушил в себе безумное роптанье;

Но нет, еще ничьих не утирал я слез
И сердца голосу был часто непослушен;
Я утешения несчастным не принес,
И слаб я был, и горд, и малодушен.

И жаль мне, что я жизнь покину без следа,
Как покидаю край печального изгнания,
Что ни единый друг от сердца никогда
Не сжал руки моей в минуту расставанья.

Между маем и ноябрем 1856.

* * *

Не говорите, что напрасно,
Что для бесплодной лишь борьбы
Стремлений чистых и прекрасных
Дано вам столько от судьбы.

Что все, чем полно сердце ныне,
Подавит жизни тяжкий гнет;
Что все растратится в пустыне,
Что дать могло бы цвет и плод.

К чему напрасные сомненья!
Идите смелою стопой;
Вы не из тех, в ком увлеченья
С летами гаснет жар святой.

Пусть дух изведает страданье,
В борьбе пусть будет закален;
И из горнила испытанья
И чист и крепок выйдет он.

Храните ж чистые химеры
Души возвышенной своей,
И животворный пламень веры
Пусть до конца не гаснет в ней!

1856.

ЖИТЕЙСКИЕ СЦЕНЫ. ОТЕЦ И ДОЧЬ

(отрывок из повести)

Губернский город Бобров (на географических картах он называется иначе) ни в чем не отставал от других губернских городов нашей России; по отдаленности своей от обеих столиц он даже сохранил в себе несколько более патриархальной простоты нравов, столь справедливо восхищающей противников всяких нововведений. Все в городе Боброве было основано на чистейшей любви. Каждый почти знал за своим соседом грешки, но никому и в голову не приходило обличать их даже намеком. Все граждане были пропитаны сознанием слабости человеческого природы и тою неопровержимую аксиомой, что «ведь свет не пересоздашь, а следовательно, и толковать об этом нечего». Физиономия города Боброва была тоже из самых обыкновенных. В нем, как и повсюду, можно было найти присутственные места, окрашенные охрой, губернаторский дом с венецианскими окнами, и балконом, клуб, где по субботам играли в карты, а по четвергам танцевали; кафедральный собор с протодиаконом, изумлявшим все православие своими легкими; две каланчи, откуда обиженные от природы солдаты пожарной команды видели всегда весьма зорко, где не горело, и, напротив, как-то не замечали, где пожар; заведение, куда взъерошенные и небритые чиновники, со спинами, вечно запачканными в белом, каждое первое число являлись менять благородный металл на согревающие жидкости. Словом, все было как и следует в благоустроенном городе...

ПАШИНЦЕВ

(отрывки из повести)

...Был очень табельный день, и потому зал ухабинского собрания блистал ярче обыкновенного. Кроме шести люстр,

постоянно зажигавшихся в простые клубные дни (ухабинская публика в течение всей зимы отплясывала в собрании каждую среду), по стенам горели повсюду свечи, отчего была нестерпимая духота. Снаружи здание тоже иллюминировали, и на улице густая толпа народа любовалась на длинные ряды площадок, украшавших балкон и тротуарные тумбочки, нисколько не боясь возвратиться домой с головной болью от чада и копоти. У подъезда обнаруживалось необыкновенное движение, кареты подъезжали одна за другой; и из них с легкостью сильфид выскакивали очаровательные ухабинские дамы в необозримых кринолинах, сопровождаемые мужьями в черных фраках и белых галстуках или в серебряных и золотых эполетах. Мужья не уподоблялись сильфам, они довольно тяжеловато и с озабоченным видом ступали по устланным коврами половиками ступеням лестницы; на лице многих из них можно было прочесть грибоедовский стих: «Бал вещь хорошая, неволя-то горька!». Молодые, развязные кавалеры опережали мужей и жен и спешили, сбросив с себя шинель, подойти к зеркалу, висевшему в прихожей, чтобы поправить свои помятые шляпой или каской прически. Для этой надобности лежала на столике под зеркалом щетка грязноватого свойства. Зал наполнялся быстро и начинал представлять для глаз весьма живописную пестроту: розовые, голубые, белые платья, аксельбанты, красные панталоны, звезды на фраках и на мундирах, Станиславы на шее, Станиславы в петличках, белые бурнусы на синих кафтанах, даже один гусарский доломан и один черкесский чекмень, усы, бакенбарды, лысины, убеленные сединами старцы и старицы, цветущие здравием юноши с проборами посередине головы, с проборами на затылке, с проборами сбоку, цветы, ленты, колосья; обнаженные плечи; пухленькие и тощие,—словом, было от чего зарябить в глазах, закружиться в голове. И все так изящно, прилично, нигде карикатурной фигуры, нигде допотопного чепца, нигде безвкусного сочетания цветов. Самый придирчивый столичный франт, окинув пытливым взором это многолюдное общество, сквозь вставленную в глаз лорнетку, не нашел бы ничего провинциального, отсталого; от всего веяло модой, утонченным вкусом, знакомством с столицей, словом—про

свещением! Запах от различных духов, которыми были пропитаны носовые платки, как дамские, так и мужские, и от московской и петербургской помады, которую, кажется, также не брезгали оба пола, запах этот, говорю я, наполняя воздух залы, раздражал нервы и производил что-то вроде опьянения. Оркестр еще молчал, и капельмейстер, в длиннейшем, белом жилете, с волнением посматривал в прихожую. В зале слышалось только жужжанье, какое бывает в жаркий летний день в комнате, когда налетят в нее шмели и осы... Ожидали его превосходительства, ибо до него никогда не начинались танцы. Дамы, пользуясь минутами ожидания, то и дело бегали в уборную поправлять туалеты. На бале они, казалось, забывали свои антипатии, свою вражду, все ссоры, интрижки и сплетни, которыми так изобилует провинциальная жизнь; обращались друг к другу с самыми ласковыми, дружескими названиями...

...Владимир Николаевич так и сделал. Он поехал ко всем членам ухабинского общества, составлявшим тамошний высший круг. В Ухабинске, как и в Петербурге, как и во всех городах наших, было несколько кружков, и каждый кружок старался подражать другому, стоявшему выше его на ступенях общественной иерархии. Только один высший копировал Петербург. Выжлятников, никого не оставлявший в покое и вращавшийся во всех кружках без изъятия, в каждом кружке ругая все остальные, выражался про ухабинскую аристократию, что эта аристократия только до Трущобина (пограничный уездный город Ухабинской губернии), а чуть две версты от Трущобина отъехал, уж и не различишь, что аристократ, что холоп. Прежде всего Владимир Николаевич объездил генералов, потом дам, с которыми танцевал, а потом уж и остальных. Генералы, из которых иные едва волочили ноги от старости, приняли его очень радушно, толковали все более о службе и о карьере и оказались все крайне недовольны разными нововведениями, проникнувшими, к их крайнему огорчению, даже и в такой отдаленный город, как Ухабинск, откуда действительно, говоря словами Гоголя, хоть три года скачи, ни до какого государства не доскачешь...

...Мало-помалу Владимир Николаевич стал незаметно втя-

гиваться в общественную жизнь Ухабинска. Его звали на вечера и обеды, и он ни от одного из них не отказывался. Его вскоре посвятили во все ухабинские сплетни и дразги; он узнал, что общество, как ни малочисленно оно было, делилось на бесконечные партии. Одна партия язвила другую; одна другую старалась затмить светскостью...

ИЗ «ОРЕНБУРГСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

(1860 г., № 7)

Главный предмет, которым занимается в настоящее время Оренбург — литература. Оренбург превратился в кабинет для чтения: оренбуржцы читают с увлечением, рассуждают, спорят, осуждают или одобряют прочитанное. Львом Оренбурга — Плещеев; его «Пашинцев» наделал много шума. «Русский вестник» переходит из рук в руки, его читают с жадностью; поля плещеевской повести носят заметки и объяснительные надписи для непосвященных в тайны общественной жизни Оренбурга...

«Пашинцев» возбуждает здесь живой интерес. «Русский вестник» теперь зачастую выглядывает из широких карманов военных шинелей; это я заметил даже в католическом костеле...

ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. На основании писем А. Н. Плещеева, его прозаических произведений, краеведческой литературы об Оренбурге составить картину социальной и культурной жизни города середины XIX в.

2. Сопоставить описания Оренбурга, данные П. Свиным, В. Далем и А. Плещеевым. Отметить особенности изображения города А. Плещеевым.

3. Определить «оренбургские» мотивы лирики А. Н. Плещеева.

4. Подготовить сообщения на темы: «А. Н. Плещеев и оренбуржцы», «Оренбургский край в творчестве А. Н. Плещеева», «Оренбургские повести» А. Н. Плещеева.

5. Дать рецензию на книгу о Плещееве Н. Анова «Ак-Мечеть».

Рекомендуемая литература

1. А. Н. Плещеев. Полное собрание стихотворений. М.—Л., 1964.
2. А. Н. Плещеев. Две повести. Челябинск, 1986 .
3. П. Юдин. Плещеев в ссылке. — «Исторический вестник», 1857, № 4—6.
4. Н. Анов. Ак-Мечеть, Алма-Ата, 1948.
5. Л. С. Пустильник. Жизнь и творчество А. Н. Плещеева. М., 1988.
6. И. Бларамберг. Воспоминания М., 1978.
7. «Степные огни», 1939, № 2.
8. Н. Е. Прянишников. Писатели-классики в Оренбургском крае. Челябинск, 1977.